

УДК 316.(571.6)

© *Н. Т. Кудинова, К. И. Ярулин, 2008*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Кудинова Н. Т. – д - р ист. наук, проф. завкафедрой «История Отечества, государства и права»; *Ярулин К. И.* – асп. кафедры «Социология, политология и социальная работа» (ТОГУ)

Категории «институт», «институционализация», «институциональные изменения» не имеют строгого и однозначного смысла в современной социологической теории. Процесс институционализации рынков в переходной экономике протекает наиболее сложно, сопровождаясь разрушением уже созданных институтов или их неэффективным функционированием. Особая роль при формировании институтов рынка принадлежит неформальным институтам, среди которых важнейшее значение имеют институты теневой экономики. При этом актуальным становится социологический анализ феномена теневой экономики.

The categories of “institute”, “institutionalization”, “institutional changes” do not have a single meaning in modern sociological theory. The process of market institutionalization in transitional economy is rather complicated and accompanied by the destruction of the existing institutes or by their inefficient functioning. During formation of market institutes informal institutes have a special role. The institutes of shadow economy are the most significant among the informal institutes. So the sociological analysis of shadow economy phenomenon becomes currently important.

Ключевые слова: институционализация, институт, институциональные изменения, теневая экономическая деятельность.

Кардинальные экономические и социальные изменения последних двух десятилетий в России затронули фундаментальные основы существования общества – отношения собственности, систему ценностей, институциональную структуру. Экономические преобразования в период постсоветской модернизации качественно преобра-

зили социально-структурные и другие отношения, обострив имущественную дифференциацию, поляризовав интересы, политические предпочтения представителей социальных групп. На смену фактически полностью огосударствленной экономике пришла многосекторная, с широким спектром форм – государственной, частной, муниципальной, арендной, акционерной, смешанной и т. д. Разгосударствление, приватизация привели к формированию новой социальной структуры, представляющей слои собственников и тех, кто не владеет материальными элементами труда. Состояние и тенденции развития экономической сферы современной России – одна из актуальных и сложных проблем как для практики, так и для науки. Основу данной проблемы составляет острейшее противоречие между требуемой в соответствии с логикой рыночной экономики хозяйственной активностью, направленной на конструктивное развитие экономики, и реальным «сползанием» последней в тень, за рамки существующего законодательства.

В настоящее время ситуация складывается таким образом, что нормы традиционной экономической культуры не работают, новая культура еще не сформирована. Практического опыта для реализации новых черт экономической культуры нет. Стереотипы рыночного поведения еще не сформированы. Перемены в массовом экономическом сознании проявляются в двух формах. Первая форма культурной перероентации – усвоение новых стереотипов экономического поведения, соответствующих рыночной экономике, культуре цивилизационных стран мира. Действительно, за короткий срок с начала рыночных реформ население страны столкнулось с множеством новых стереотипов поведения. Вторая форма противоположна первой, заключается в обходе законов, гражданских запретов, нарушении норм. Определенные стереотипы поведения возникают как реакция на объективные условия, которые выступают следствием политики.

Столкновение новых стандартов поведения в экономике с традиционными моделями, сопровождающие этот процесс конфликты требуют серьезного научного осмысления сущности феномена, условий, факторов, направлений его трансформации. Представляется необходимым использовать при анализе данного явления институциональный подход.

Термин «институционализация» стал применяться достаточно широко в науке. В политологии под институционализацией понимается процесс образования набора правил, задающих контекст человеческого сосуществования и взаимодействия [1, с. 20]. В социологии этот термин используется для обозначения процесса урегулирования различных типов социальной деятельности и закрепления их в качестве социальных институтов. Подчеркивается, что институционализация закрепляет общепринятые практи-

ки, обеспечивает их сохранение в неизменном виде на протяжении ряда поколений [2, с. 129], обеспечивает превращение абстрактных правил в реальные модели стабильного взаимодействия [3, с. 28-55]. Существует довольно широкий набор версий и подходов в понимании институционализации и в экономической теории. Так, одни экономисты под институционализацией понимают превращение в различные формы ассоциаций [4, с. 9]; другие – процесс формирования функциональных, нормативных и властных отношений между институциональным субъектом и субъектами окружающей его внешней среды [5, с. 33-34]. Третьи утверждают, что институционализация – это процесс закрепления внешней нормы в общественной практике, ее фактического подтверждения в реальном поведении людей (в реальных правоотношениях, традициях и т. д.) [6, с. 37] или что «институционализация сама есть совместная деятельность, упорядоченная институтами» [7, с. 93-98]. Существует трактовка институционализации как процесса становления институциональных форм и закрепления каких-либо норм или структур в юридическом пространстве [8, с. 53].

Одним из первых дал развернутое представление об институтах Т. Веблен. Он определил институт как совокупность обычаев, воплощение определенных привычек поведения, образа мысли и образа жизни, передаваемых из поколения в поколение, меняющихся в зависимости от обстоятельств и служащих орудием приспособления к ним [9, с. 200-201]. Представители нового институционализма рассматривают институты как производные образования от интересов. Наиболее распространенной, хотя и необщепризнанной, является трактовка институтов, данная Д. Норттом. Институтами он называет «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми». Обосновывается, что «...институты, или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [10, с. 33].

Созданные людьми ограничения оформляют взаимодействие людей, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям. Основное назначение и смысл экономических институтов не в том, чтобы быть просто правилами игры, а в функциональной организации общественных взаимодействий людей, их групп и сообществ [11, с. 7]. Все компоненты института являются продуктом совместной деятельности людей. Дело тут в том, что экономические действия людей выступают в устойчивых и в то же время четко различных ролях. Но они признаются в обществе как значимые, необходимые и согласующиеся с общественными интересами, т.е. институт – это результат определенных компромиссов противоборствующих интересов. Это указывает на наличие в обществе институционального аспекта.

Необходимую меру подчинения индивидуальных интересов общественным интересам обеспечивает институционализация интересов.

Общества различаются типом проблем, стоящих перед людьми, но также и набором их решений, «набором инструментов», которыми люди оперируют в разных типах обществ. Индивиды вырабатывают стратегии для решения проблем на базе собственного опыта, опыта своей семьи, друзей, окружения, а затем транслируют его дальше. Эти «стратегии решения проблем» могут быть сознательно выстроены, осознаны или строиться на неосознанных привычках или обычаях, растворенных в обществе. «Стратегии выживания» являются одной из значительных частей стратегий, направленных на решение повседневных проблем. Стратегии могут быть эффективными или неэффективными с точки зрения достижения цели, но они всегда специфичны для местных условий и типичных проблем данного сообщества. Это наиболее четко прослеживается в исследованиях новых экономических практик, где показано, что их прежние стратегии не отвечают требованиям новой жизненной ситуации [12, с. 94-95].

Стратегии решения проблем основаны на мобилизации тех ресурсов, которыми человек располагает непосредственно или через друзей и родственников. Ресурсы, будучи неравно распределенными, приводят к выработке различных моделей стратификации в различных обществах. Поскольку стратегии зависят как от самих проблем, так и от ресурсов, которыми располагает индивид (или думает, что располагает), то внутри одного общества стратегии представителей разных социальных классов будут существенно различаться. Разнообразие стратегий зависит не только от общей величины ресурсов, но и от специфики этих ресурсов.

Адаптационное взаимодействие больших социальных групп и социальной среды – важнейшая составляющая трансформационных процессов, происходящих в российском обществе. Наиболее ярко процесс социальной адаптации просматривается в трудовом поведении экономически активного населения, проживающего в городах и поселках, имевших ранее непосредственно лесную ориентацию, которое в силу неблагоприятных социально-экономических условий в отрасли сводится, по сути, к приспособлению к изменениям социальной среды с целью выживания. Однако наряду с различными способами приспособления к новым условиям жизни важную роль выполняют переоценка ценностей и норм трудового поведения, ориентация на традиционные или новые нормы взаимодействия в рабочей среде. Складывающаяся ситуация формирует несколько типов поведения как населения, так и экономических агентов, связывающих свою деятельность с производством продукции. Одним из таких типов поведения является теневая экономическая деятельность.

Можно согласиться с позицией Р. Рывкиной, которая видит задачу социальных наук в изучении процесса тенефикации общества, т. е. анализе его возможных влияний на последующее развитие российского общества и необходимых мер по его минимизации [13, с. 13].

«Институционализация теневой экономики – это закрепление теневого экономического поведения (например, «обналичивание» денег, теневой вывоз капитала) в те или иные организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и транслируемые следующим поколениям занятых ею субъектов. Из этого определения ясно, что, пройдя стадию институционализации, теневая экономика претерпевает качественные изменения: из хаотических и случайных, никак не оформленных взаимодействий экономических субъектов, поведение которых не ограничено какими-либо жесткими правилами, она превращается в структурированную и самовоспроизводящуюся социальную систему, которая не только скрыта от прямого государственного контроля и наблюдения, но и имеет внутреннюю организацию [14, с. 13-21].

Из нескольких существующих методик структурирования теневой экономики выделим наиболее детальные [15, с. 38-39]. Их авторы считают, что основными структурными элементами теневой экономики являются: «неформальная экономика» – система экономических отношений, основанная на неформальном взаимодействии между экономическими субъектами, личных отношениях и непосредственных контактах между ними и дополняющая или заменяющая официально установленный порядок организации и реализации экономических связей; «вторая экономика» – система экономических отношений, которые либо запрещены, либо не зарегистрированы в установленном порядке и поэтому тщательно скрываются от контроля; «черная», или «криминальная экономика», – система криминальных экономических отношений, встроенная в официальные и полностью скрываемая от всех форм контроля. Отсюда следует, что в теневой экономике есть составляющие двух принципиально различных типов: неформальная, т. е. неофициальная, но не имеющая криминальных характеристик, и собственно криминальная, наиболее важной характеристикой которой является незаконность, противоправность.

Предлагаемая известным американским экономистом Эдгаром Файгом (Университет штата Висконсин) классификация видов подпольной экономики предлагает свою классификация видов подпольной экономики [16, с. 991-992].

Следует отметить, замечает Э. Файг, что не существует единой подпольной экономики, у нее довольно много разновидностей и она буквально вездесуща. В литературе предлагается много названий подпольной экономики: секретная (subterranean), скрытая (hidden), серая (gray), теневая

(shadow), тайная (clandestine), нелегальная (illegal), несообщенная (unreported), незарегистрированная (unrecorded), вторая (second), параллельная (parallel), черная (black) и т. д. Обилие названий свидетельствует о неупорядоченности понятийного аппарата изучаемой проблемы.

Подпольная экономика, функционируя, выходит за рамки или уклоняется от установленной системы правил, норм, штрафов, а также уклоняется от измерения и социального учета. Критерием различий является то, какие специфические правила нарушаются в том или ином случае. Используя этот критерий как основание для системы классификации, Э. Файг выделяет четыре типа подпольных экономических действий: нелегальную, несообщенную, незарегистрированную и неформальную экономическую деятельность.

Нелегальная экономика. «Нелегальная экономика состоит из дохода, произведенного экономической деятельностью, нарушающей юридические нормативы, определяющие сферу законных форм коммерции». Нелегальные предприниматели в этой экономике участвуют в производстве и распределении запрещенных товаров и услуг (нелегальное производство наркотиков, обмен валюты спекулянтами и т. д.). Такие запрещенные экономические действия являются прибыльным источником дохода в обход закона, а также, что более серьезно, способствуют подрыву стабильности политических, экономических и юридических учреждений.

Несообщенная экономика. «Несообщенная экономика включает ту экономическую деятельность, которая обходит институционально установленные фискальные правила, зафиксированные в Налоговом кодексе, либо уклоняется от них». Доходы от неё не сообщаются в налоговую полицию. Возникает так называемый «налоговый зазор» (tax gap) – различие между суммой полагающихся налоговых поступлений и реально собранным доходом.

Незарегистрированная экономика. «Незарегистрированная экономика состоит из той экономической деятельности, которая обходит институциональные правила, установленные требованиями правительственных статистических органов». Определяющим показателем здесь является сумма незарегистрированного дохода – того, который должен быть, по существующим правилам, зарегистрирован в системе национального счетоводства, но не был. Незарегистрированный доход – это расхождение между фактическим совокупным доходом и доходом, фиксируемым статистической системой.

Одним из наиболее важных компонентов незарегистрированной экономической деятельности в развивающихся странах является домашнее производство. Хотя методика расчета национального дохода предполагает, что домашнее производство было включено в национальные счета, этот сектор обычно опускается вследствие трудностей его измерения.

Обширная и быстрорастущая незарегистрированная экономика может систематически исказить ключевые экономические индикаторы типа уровня безработицы, процентных ставок, производительности и уровня цен.

Неформальная экономика. Согласно подходу Э. Файга «неформальная экономика включает ту экономическую деятельность, которая экономит [частные] издержки, нарушая [общественные] выгоды и права, предписанные законами и административными правилами, регулирующими отношения собственности, коммерческое лицензирование, трудовые контракты, отношения финансового кредитования и социального страхования». Она измеряется доходами, полученными неформально действующими экономическими агентами.

Проблемы теневой экономики как специфического социально-экономического института оказались в центре научного внимания и приобрели междисциплинарный характер только в 60–70-е гг. XX в.

Однако при всем многообразии подходов к сущности теневой экономической деятельности малоизученной остается ее социологическая составляющая, за исключением отдельных работ [17]. Нет методологической определенности в этом направлении, интеграции усилий представителей заинтересованных наук, не уточнен категориальный аппарат.

На наш взгляд, основными причинами существования теневой экономики являются следующие социальные факторы:

– Деградация моральных и правовых норм в поведении экономических субъектов. Советское игнорирование православных норм, неудачное внедрение коммунистических постулатов, отсутствие какой-либо идеологии в современной России привели к тому, что низкая значимость морально-этических устоев стала детерминирующим фактором развития не только экономики, но и всего российского общества.

.– Бедность значительной части населения, составляющей 39,7 % наших сограждан, или 56,4 млн человек. Бедность предполагает перенос принципов социального взаимодействия в плоскость экономической практики. При осуществлении экономических трансакций представители бедных социальных групп во главу угла часто ставят не соблюдение легальных правовых норм, а следование неформальным идентификационным признакам «своего» социума.

– Перенесение в общество социальной, экономической или политической модели, созданной в ином социальном порядке. Россия пошла по пути импорта базовых социально-экономических и политических институтов без необходимого анализа их соответствия ценностным, морально-этическим ориентирам, исторической парадигме государственного управления. Результатами такой политики стал, в том числе отказ экономических субъектов действовать по чуждым институциональным нормам.

– Коррупция, являющаяся и причиной, и двигателем теневой экономики. Экономические субъекты при помощи коррупции уменьшают зависимость от неприемлемых действий властей, преобразуют бюрократические полномочия в индивидуальную или корпоративную выгоду.

Если объем теневой экономики России, по данным Всемирного банка, составляет 49 % ВВП страны, то доля скрытой оплаты труда в 2004–2007 гг. достигала в среднем 44,1 % от всей заработной платы по экономике. Применительно к 2007 г. это 6,55 трлн рублей. Неуплаченные налоги в федеральный бюджет и взносы в социальные фонды составили 852 млрд рублей в виде налога на доходы физических лиц и 1,7 трлн рублей в виде взносов на обязательное социальное страхование. При этом Пенсионный фонд России недополучил 1,3 трлн рублей, что больше совокупных расходов Пенсионного фонда на выплату трудовых пенсий в 2007 г. Легализация теневого сектора позволила бы удвоить трудовые пенсии.

Теневая экономическая деятельность как фактор вынужденной адаптации активно утверждается в социальной и духовно-ценностной сфере, входя в образ жизни современного российского жителя, формируя соответствующую субкультуру. Проблемная ситуация состоит в переплетении нескольких тенденций. На институциональном уровне фиксируется социальная опасность разрастания теневой экономики. Однако отсутствие аналитической информации о ее границах, тенденциях и социальных последствиях оставляют малоисследованными субъективные факторы ее воспроизводства. При этом отчуждение власти от собственности, утрата доверия к государству трансформируются в сознании значительного числа граждан в установку на самоадаптацию имеющимися доступными средствами, в том числе и выходящими за рамки российского законодательства. Теневая деятельность приобретает не просто широкий масштаб – идет активный процесс ее институционализации, превращение в устойчивый феномен, образец поведения. Неправовые нормы экономической деятельности становятся социокультурной нормой. Последовательное «врастание» нерегулируемых форм деятельности и поведения в экономику, приобретение ими черт необратимости обуславливают необходимость глубокого изучения социальной энергии, «питающей» эти процессы. Проблема заключается не столько в определении количества людей, включенных в «теневую» деятельность, сколько в выяснении степени устойчивости и обоснованности их мотивации, выборе способа поведения, системы соответствующих ценностей, глубины девальвации правовых и нравственных ограничений.

По мнению Э. Гидденса, предметом изучения социологии являются социальные институты, возникшие в результате промышленных преобразований за последние 200–300 лет. Современное общество выступает системой институционализированных форм поведения людей, которые повторяются и воспроизводятся в длительной пространственно-временной перспективе.

«Становление социологии протекало в процессе критики политической экономии в обоих ее измерениях – политическом и экономическом. В отношении первого из них социология утвердила свою дисциплинарную идентичность, доказав, что формы правления, или государство, опирается на институциональную инфраструктуру гражданского общества (а по некоторым воззрениям является его эпифеноменом). Что же касается экономического измерения, то здесь формирование социологии в качестве самостоятельной науки было связано с демонстрацией тех широких институциональных и нормативных рамок, в которых существуют экономические действия и рыночные отношения. В итоге возник новый объект социального знания (правомерность которого всегда оспаривал марксизм со своих более «энциклопедических» позиций) – совокупность институтов, образующих систему гражданского общества. «Общество», признанное дисциплинарным фокусом социологии, с тех пор начинает широко пониматься как «гражданское общество» [18, с. 69-70]. Наличие же развитой теневой экономики свидетельствует о неурегулированности отношений между государством и гражданским обществом. Задача государства состоит не в том, чтобы наносить удары по теневой экономике посредством ужесточения деятельности специализированных органов, а в том, чтобы выводить экономику из тени исключительно разрешительными способами. Безусловному запрещению подлежат все виды деятельности, так или иначе связанные с криминальным бизнесом, остальные же нуждаются в дифференциации и в последовательном доведении до состояния полной открытости.

Библиографические ссылки

1. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Политические исследования. 2002. № 2.
2. Гидденс Э. Социальные институты // Социс. 1994. № 2.
3. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2.
4. Курс переходной экономики / Под ред. Л. И. Абалкина. М., 1997.
5. Лебедева Н. Н. Институциональная экономика. Волгоград, 1999.

6. *Гребенников В. Г.* Институционализм как методология экономической науки // Институциональная экономика / Под рук. Д. С. Львова. М., 2001.
7. *Зотов В. В.* Системные функции экономики в обществе: институциональный аспект // Институциональная экономика / Под рук. Д. С. Львова. М., 2001.
8. *Клейнер Г.* Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России: Препринт. М., 2001.
9. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
10. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое видение // Тезис. 1993. Вып. 2; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
11. *Иниаков О. В., Фролов Д. П.* Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Волгоград, 2002. Т. 1.
12. *Бюссе С.* Социальный капитал и неформальная экономика // Мир России. 2002. № 2.
13. *Рывкина Р. В.* Теневизация российского общества: причины и последствия // Социс. 2000. № 12.
14. *Косалс Л. Я., Рывкина Р. В.* Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социс. 2002. № 4.
15. *Головин С. Д.* О классификации явлений теневой экономики // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1992. № 1; *Болва Н. В., Салий В. В.* Теневая экономика: содержание, функции, технология. Новосибирск, 1998.
16. *Feige E. L.* Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. Vol. 18. № 7.
17. *Бойков В. Э.* Некриминальная теневая экономика: масштабы развития и влияние на массовое сознание(социологический анализ // Социология власти: Информ.-аналит. бюллетень. 2001. № 3.
18. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Зима. Т. 1. Вып. 1.